

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. И. Фокин

УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТВОРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ в 20–30-е гг. XX в.

Моральные и политические принципы европейского либерализма рухнули в траншеи Первой мировой войны. Кровавая, небывалая по своим масштабам и жестокости трагедия потрясла до основания здание западной цивилизации. Возникло ожидание радикальных перемен, поэтому Октябрьская революция в России и последующие революции в Восточной и Центральной Европе, и Азии современники осознавали как начало мировой революции¹.

Духовная ситуация того времени в значительной степени определялась критическим отношением широких слоев общественности к основам буржуазного общества. В 1918 г. во Франции по инициативе А. Барбюса возникает объединение интеллигенции «Кларте» (Ясность). Оно выступало за революционный выход из войны и за преобразование французского общества на социалистических началах². Вскоре близкие по духу общества возникли в скандинавских странах, на Британских островах аналогичную позицию занимали члены фабианского общества. В 1919 г. «Кларте» стало международной организацией. В ее состав входили многие известные писатели. Организация выступала с разоблачением милитаризма и с осуждением интервенции в Россию³.

Общий процесс демократизации общественной жизни скандинавских стран создавал благоприятные условия для развития культуры и искусства. Это не замедлило сказаться сначала на рубеже столетий, когда возникает новое и в скандинавских условиях явление — литера-

тура, связанная с рабочим движением и повествующая о нем. Правда, терминология в отношении понятия «реализм» оказывалась довольно запутанной. Нередко продолжалось, как и несколько раньше, смешение понятий «натурализм» и «реализм», восприятие их как некоего единого конгломерата. Термином «новый реализм» также обозначались явления неравнозначные, довольно произвольно включавшие в этот состав (или исключавшие из него) литераторов. Попытки «вычленения» крестьянской или рабочей литературы («народный реализм», «провинциализм» и др.) также были далеки от объективных критериев выявления специфических черт ранней пролетарской литературы.

В сочинениях, например, датского писателя М. Андерсена-Нексе и других критика милитаризма, эксплуатации, формализма государственной системы соединяется с идеей революции, способствующей изменению сознания людей и рождающей надежду на разумное преобразование общества.

Представители экспрессионизма и других формалистических художественных течений претендовали на роль пророков будущего общества, на революционное обновление искусства. Революция грезилась им как истинное проявление человеческого духа⁴.

В период революционного кризиса для интеллигенции скандинавских стран представление о марксизме чаще всего основывалось на убеждении в том, что он является абстрактной теорией, а не политической доктриной, требующей революционного действия. Русская революция и последующее развитие общества воспринимались как смелый социальный эксперимент по преобразованию общества и вызвали любопытство и различные чувства в зависимости от отношения к тем или иным конкретным преобразованиям. В России это представление называли «салонным марксизмом», не выходящим за пределы дискуссии в уютных гостиных⁵.

Новая волна, свидетельствующая об интенсивном развитии как реализма, так и нереалистических форм литературы в Скандинавских странах, была связана с изменением общественной обстановки на следующем этапе — с 20-х гг. XX столетия. Критический реализм обретает теперь и особые свойства. В нем — и это убедительно показывают литературы северных стран — по-иному понимаются и художественно реализуются задачи психологического анализа (школа «потока сознания»), философского видения жизни, сатирического обобщения. В отличие от тех «традиционных» литераторов, которые провозглашали принцип изображения жизни в «формах самой жизни», современные писатели в большей степени тяготеют к мифу, условной манере повествования и «притчеобразным» приемам письма, к экспериментальным формам, к «слиянию» с публицистикой (новыми типами документализма).

Эстетика и литература модернизма стремятся поразить читателя или зрителя свойственными бурной эпохе радикальных перемен формами «новаторского» искусства, желанием показать свою «авангардную» роль, подчеркнуть, что лишь абстракционизм способен выразить страх и отчаяние, порожденные войной и революцией. «Хаотическое» брожение — пример издержек того радикализма, который претендовал на роль современного авангарда. Подлинным силам прогресса, в первую очередь передовым деятелям идеологического фронта и культуры, приходилось вступать в открытую полемику и борьбу как с силами политической реакции, так и с различного рода «левацкими» теориями анархистского толка.

Растет удельный вес публицистики, часто порожденной оппозиционным молодежным движением — норвежская группа «Мут даг» («К свету»), шведская «Кларте» и др. Широкою известность приобрел журнал «Вейен фрем» («Путь вперед»), издававшийся крупнейшим норвежским поэтом, драматургом и публицистом Нурдалом Григом, привлечшим к сотрудничеству многих прогрессивных писателей — не только скандинавских, но и европейских. Под влиянием журнала «Кларте» развивается творчество многих шведских писателей — группа «Пять молодых», стартарская литература и др. В Дании интенсивной была деятельность публицистов в таких журналах, как «Тильскуерен» («Зритель») и «Критиск ревью». Пропаганда социалистических идей становится характерной чертой скандинавской публицистики и литературы.

Таким образом, представители различных мировоззрений, художественных течений и социальных слоев в странах Северной Европы самостоятельно, независимо от влияния каких-либо политических организаций, зафиксировали свое негативное отношение к существующим условиям общественной жизни, приверженность революционному обновлению общества, включая формы художественного творчества и художественно-эстетические направления.

Характерная особенность международного культурного обмена в межвоенный период — это значительное влияние на него революционного процесса. Революция в России и революционный кризис в ряде европейских стран вызвали к жизни новые формы общественной деятельности, повлияли на содержание международного сотрудничества, на настроения творческой интеллигенции, которая видела в революции не только политическое явление, но и раскрепощение творческих сил народов, проявление человеческой сущности и стремилась найти новые формы его художественного воплощения. Широкое распространение получило представление о том, что революционный процесс является началом нового типа человеческой цивилизации, свободной от пороков

прошлого, что она будет иметь общечеловеческие масштабы и ей будет соответствовать новая интернациональная культура.

Одновременно лидеры революционного движения рассматривали его как интернациональное движение, как мировую революцию. В своей борьбе значительное внимание они уделяли культуре. В резолюции II конгресса Коминтерна (1920 г.) «О роли коммунистических партий в пролетарской революции» отмечалось, что марксистская партия должна руководить экономической, политической и культурно-просветительной борьбой рабочего класса⁶. В культурной работе среди масс Коминтерн не создал, как утверждают сегодня исследователи советской «культурной дипломатии»⁷, а именно опирался на возникшие после Октября левые объединения творческой интеллигенции.

Объединению революционно настроенной художественной интеллигенции способствовало Временное международное бюро Пролеткульта, созданное в дни работы II конгресса Коминтерна. В его обращении «К братьям всех стран» утверждалось, что пролетарское искусство должно развиваться во всех странах, независимо от социального строя⁸. В начале 20-х гг. близкие к Пролеткульту организации были созданы во многих странах Европы. Своей эпатажной позицией в отношении культурного наследия, отказом от сотрудничества с деятелями культуры «непролетарского происхождения» они обрекли себя на скандальную известность и замкнутость. Критика идеологии Пролеткульта В. И. Лениным с позиций преемственности в развитии культуры, определение Л. Д. Троцким «пролетарской культуры» как эрзаца подлинной культуры бесклассового общества привели к тому, что эти объединения были обвинены в сектантстве и в идейно ошибочных взглядах. Было признано необходимым объединить всех деятелей культуры, поддерживающих идеи Коминтерна.

В 1924 г. с инициативой создания международной организации революционных писателей выступила группа участников V конгресса Коминтерна. 10 июля 1924 г. состоялось совещание делегатов Конгресса совместно с представителями Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Было решено создать Интернационал пролетарской литературы (Литинтерн), для чего было образовано Международное бюро связи пролетарской литературы. Председателем бюро был избран А. В. Луначарский, секретарем — литовский писатель С. Велейтис⁹. Бюро за короткий срок проделало большую работу по установлению контактов с деятелями культуры различных стран.

Окончание гражданской войны в России и переход к НЭПу, стабилизация экономики и социально-политических отношений в Европе означали переход к процессам эволюционного развития. Осознание новой

реальности проходило в условиях обострения разногласий среди лево-радикальной интеллигенции. В результате идейных разногласий между ее членами распалась группа «Кларте». Из ее состава вышли те, кто считал, что разрушительный период революционного движения завершился и необходимо покончить с абстрактным и бессмысленным бунтарством. Из «Кларте» ушли и часть коммунистов, и гуманисты¹⁰.

Но в новаторском крыле творческой интеллигенции возобладали идеи, которые видели решение проблемы социализации культуры в формировании рабочим классом собственной культуры на основе рационализации общества, освобождение подсознания творческой личности от «подавления буржуазной культурой». Они нашли подтверждение своим взглядам в учении о психоанализе З. Фрейда, которое стало широко известно в 1920–1923 гг. и быстро завоевало признание. Общие принципы психоанализа легли в основу целого ряда доктрин и теорий: «психология бессознательного», иррационализм жизнедеятельности, конфликтность и расщепленность внутреннего мира человека, «репрессивность» культуры и общества.

Учение о «первичных влечениях» нашло отражение в публицистике и в произведениях многих видных писателей реалистов и натуралистов. Перенесение принципов психоанализа на общественные явления было характерно для плеяды теоретиков «кризиса культуры». Вульгарное истолкование социологизации культуры находит свое воплощение в работе Л. Д. Троцкого «Литература и революция»¹¹, которая была принята некоторыми «левыми» деятелями культуры в Скандинавских странах¹².

В 20-е годы постепенно падает значение и радикальных литературно-художественных направлений. Возникает новое содержание, которое затрагивает попытки осмысления советского эксперимента и проблемы предотвращения войны. Новый подход, определивший и новые формы организации международного сотрудничества, был сформулирован в Постановлении ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. Подвергая критике позицию ВАПП и Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), ЦК признал необходимым вести работу по утверждению пролетарской литературы путем художественного и идейного соревнования с писателями, примыкавшими к другим направлениям, призвал к «тактическому и бережному отношению к «попучикам», чтобы обеспечить условия для «их перехода на сторону коммунистической идеологии»¹³.

На мартовском пленуме Международного бюро (1926 г.) идеи Литературного Интернационала были признаны несостоятельными, указывалось на необходимость перехода к более гибким формам работы. Отныне Международное бюро должно было, по выражению А. В. Луна-

чарского, содействовать художественному воспитанию пролетарских писателей и тем самым способствовать формированию художника нового типа, соединяющего в своем творчестве высокое искусство мастера с «четкостью революционного мирозерцания». На мартовском пленуме присутствовало свыше 100 представителей литературы Запада и Востока¹⁴. Организационную работу в Международном бюро вели многие выдающиеся представители мировой литературы¹⁵. По решению пленума руководящий орган был переименован в Международное бюро революционной литературы (МБРЛ). В ноябре 1927 г. состоялась Первая международная конференция МБРЛ, приуроченная к 10-й годовщине Октябрьской революции. В ее работе участвовало около 30 представителей из 11 стран мира. На конференции было провозглашено создание международной организации революционных писателей (МОРП)¹⁶. Создание МОРП призвано было объединить писателей революционной направленности независимо от их отношения к культурному наследию и литературно-художественных пристрастий. На практике к МОРП примкнули либо убежденные коммунисты, либо представители авангардистских течений в искусстве.

Вторая конференция МОРП состоялась в ноябре 1930 г. в Харькове. В ее работе приняли участие 120 делегатов из 22 стран. Собравшиеся обратились с воззванием ко всем писателям мира с призывом к единству в борьбе против фашизма. Однако острая дискуссия на конференции показала, что среди революционных писателей немало противников сотрудничества с «классово чуждыми элементами» независимо от их отношения к фашизму, да и к пролетарской революции. В резолюции конференции преувеличивалась роль рабочих корреспондентов в создании новой литературы и игнорировалось значение творчества признанных мастеров художественного слова¹⁷. После Харьковской конференции руководство МОРП решило бороться с изоляционистами, леворадикальными позициями, которые по аналогии с ситуацией в Коминтерне назывались «детской болезнью» в пролетарском искусстве и литературе. В январе 1933 г. секретариат МОРП принял решение о том, что для преодоления этих заблуждений необходимо привлечь к работе с иностранными секциями советских писателей¹⁸. Считалось, что советский опыт в деле консолидации представителей литературно-художественных направлений сыграет положительную роль в привлечении к деятельности МОРП наиболее выдающихся представителей литературы мира и поможет преодолеть сектантские настроения. Руководители МОРП полагали, что советская литература того времени своим богатым содержанием и стилистическим разнообразием убедит крайне радикальные элементы в возможности союза широких слоев интеллигенции.

В художественной литературе того времени естественным было обращение к основам духовного здоровья общества. В художественном исследовании послевоенного времени естественным выходом казалось обращение к личности, способной противостоять враждебности окружающего мира. В целом ряде художественных произведений утверждалась моральная сила человека, противостоящая несовершенству общества. Лучших из них отличает высокое моральное благородство и личное мужество. Именно поэтому они приобрели обаяние и стали идеалом послевоенного «потерянного» поколения, жившего в условиях крушения общественных устоев. Но нельзя вечно жить, стиснув зубы, занимая принципиальную позицию стороннего наблюдателя. Индивидуализм как самоценность не в состоянии компенсировать утраченные идеалы и неизбежно ведет к саморазрушению личности. Индивидуализм провозглашает наднациональные, надсоциальные гуманистические ценности, но он не в состоянии их реализовать вне общества. Решение проблемы видели в историческом опыте.

Человек и история — проблема, которая становится предметом размышления в 20-е и особенно в 30-е годы XX столетия. В литературе этого периода значительное место занимает исторический роман, в котором концентрируются существенные вопросы всемирной истории, национальной культуры и современности, вопросы судеб нации и великих личностей, революции и регресса. Историческая тема в искусстве превращается в форму общественной дискуссии, высказанные авторами суждения — развитием теорий общественного развития или основой для создания новых концепций. По содержанию это была попытка разработать такую концепцию истории, которая бы позволила создать основанную на гуманистических идеалах новую систему духовных ценностей. Через историю в культуре возрождается интерес к национальной традиции и её переосмысление с позиций современности.

Исторические романы норвежской писательницы Сигрид Унсет стали одним из первых проявлений этого общеевропейского направления в литературе. При скрупулезном исторически достоверном изображении жизни и быта норвежцев эпохи средневековья писательнице удалось создать психологическую и философскую драму, в центре которой — судьба человека, противостоящего обществу, выступающего против общепринятых норм и утверждающего свою личность, жертвуя собой. Исторические романы С. Унсет были восторженно приняты критиками и публикой. В 1928 г. С. Унсет была удостоена Нобелевской премии по литературе «за совершенное описание норвежского средневековья»¹⁹. В те годы близким по жанру явилось творчество другого Нобелевского лауреата Сельмы Лагерлёф²⁰.

В скандинавской литературе европейская дискуссия о соотношении национализма и интернационализма не получила развития. В произведениях многих европейских литераторов 30-х гг. шовинизму противопоставляется «мировое гражданство» как гуманистическое царство духа и разума, как синтез западного и восточного мировоззрений. Такая трактовка элитарного интернационализма получила широкую поддержку в немецкой антифашистской литературе: в статьях Т. Манна «Космополитизм» (1925 г.) и Г. Манна «Исповедание национального» (1933 г.). Идея «наднационального гуманизма» присутствует в беллетризированной биографии Эразма Роттердамского С. Цвейга. В ней представителю мировой интеллектуальной элиты противопоставляется «фанатичный Лютер и с ним — неодолимые силы национального народного движения». В наднациональном интеллектуализме автор видел идеал, который «возрождает в сердцах человеческую мечту о торжестве человечности». В стихийном народном движении, лишенном интеллектуальной мощи, С. Цвейг усматривает угрозу утверждению гуманистических идеалов, сравнивая народные силы с племенами германцев, разрушивших Рим. Таким образом, источником антигуманизма общества объявлялись не только природа человеческого инстинкта, но и народная национальная традиция, основанная на нем²¹.

Неспособность демократических государств в условиях кризиса разрешить социальные проблемы, преодолеть формализм правовых норм и религиозной морали — все это в литературе тех лет не ставило под сомнение само право человека на свободу выбора между добром и злом. В исторических романах скандинавских и немецких авторов, например, на фоне средневековой Европы показано, как неверие в людей и фатализм порождают тоталитаризм. При этом идеология, религия, национальная и сословная принадлежность являются внешними факторами по отношению к характеристике места человека в истории. Зависимость его от исторических обстоятельств не исключает, по мнению Г. Манна, проблему выбора между войной и тоталитаризмом с одной стороны, трудом и интеллектом — с другой. Задача исторического деятеля заключается в том, чтобы сформировать такие жизненные общественные условия, в которых, помимо прочего, проявляется, прежде всего, человеческая одаренность, не отравленная жадной наживы.

В художественных произведениях С. Унсет, С. Лагерлёф, М. Андерсена-Нексе и многих других европейских писателей, основанных на различных национальных и религиозных традициях, неизменным оставалось гуманистическое содержание.

Тем самым авторы подчеркивали неразрывную связь национального, интернационального и гуманистического. Вопрос ведь состоял не в том,

что считать определяющим — общее или особенное (в действительно-сти одно без другого не существует и только в нашем сознании приоб-ретает самостоятельное значение), а в том, что составляет их содержа-ние и какая роль отводится в нем человеку. Без народной традиции, без национальной основы нет и не может быть подлинной культуры, дейст-вительного, а не умозрительного гуманизма. Но рабское следование до-гме, слепое подчинение обстоятельствам, даже если они predeterminedены природными факторами, порождает сон разума, превращает общество в толпу, ведет его к катастрофе.

Эта гуманистическая идея противостояла расизму, оголтелому на-ционализму и фашизму, охватывавшим значительную часть европейско-го сознания. Ведь все эти явления родились в глубинах европейской им-периалистической культуры и практики, объективно ставшая основой антифашизма в странах Северной Европы.

Для общественного сознания Европы и Северной Америки великие культуры Азии оставались чем-то неизвестным, экзотическим и пуга-ющим. Отсутствие устойчивых и широких культурных связей между цивилизациями рождало незнание. А неизвестность была чревата есте-ственной психологической реакцией — страхом перед огромной и непо-нятной культурой Востока. Россия, Советский Союз казались синтезом двух типов культур более понятным, чем Восток, который позволит пре-одолеть крайние реакционные проявления западной цивилизации.

Такие надежды питали многие ведущие деятели мировой интеллекту-альной элиты в 20–30-е годы. Революционное насилие смущало, но счи-талось неизбежным следствием прогресса. Ведь и многие западные де-мократии родились в кровавых столкновениях реакции и революции, ограничения и подавления движения реставраторских монархических сил. Поддержку вызывало на Западе индустриальное строительство в СССР, примером для подражания назывались социальные программы, обеспечи-вавшие массовость и доступность образования, медицинского обслужива-ния, занятость, программы государственной поддержки науки и культуры.

Опасаясь острых социальных столкновений, интеллектуалы пони-мали необходимость глубокой перестройки современного им общества, но одновременно и боялись потрясений. Надежды, связанные с СССР, были чрезвычайно велики. Для интеллектуалов западных стран фашизм был более реальной опасностью, чем гипотетическая социалистическая революция. Было совершенно очевидно, что СССР и коммунистиче-ское движение были наиболее организованной силой, противостоящей фашизму, который развивался прежде всего на почве оголтелого анти-коммунизма. Наконец, существовала надежда на гуманизацию советской системы.

Советские литература и искусство межвоенного периода привлекали внимание международной общественности стремлением осмыслить гуманистическое содержание революционных катаклизмов, экономических и социальных экспериментов. Они выражали мироощущение человека в условиях быстро изменяющихся жизненных обстоятельств, экстремальных психологических ситуаций. У многих вызывал симпатию герой, сохранявший при этом жизнеутверждающую силу, пафос создания нового мира. Вера в силы человека, его возможность преодолеть Зло и утвердить Добро в себе и в человеческом обществе, нравственную ответственность перед обществом и его будущим составляли гуманистическое содержание отечественных литературы и искусства того времени. МОРП стремилась использовать этот фактор для привлечения на свою сторону деятелей культуры.

Другим средством расширения влияния МОРП считала установление и развитие непосредственных контактов с советской общественностью. С этой целью массовому сектору, созданному в МОРП в феврале 1933 г., было поручено организовать посещение зарубежными писателями индустриальных новостроек в СССР, ознакомление с экономическим и культурным развитием различных народов СССР. В ходе поездок предусматривалась организация литературных вечеров и встреч с советскими читателями, писателями, выступления по радио²².

Для организации таких поездок МОРП неоднократно обращался за помощью в ЦК ВКП(б)²³. Было организовано несколько таких поездок, как индивидуальных, так и коллективных. Только в 30-е годы группы иностранных писателей посетили Северный Кавказ, Кузнецкий комбинат, Таджикистан. Норвежец Н. Григ, например, два года путешествовал по СССР²⁴. Крупной акцией, организованной и проведенной МОРП, было участие представителей литературы многих стран в работе I съезда советских писателей²⁵. В международном плане съезд прошел под лозунгом объединения писателей и художников против фашизма и войны²⁶.

Съезд вызвал активную дискуссию в кругах творческой интеллигенции. Значительная часть выдающихся деятелей мировой культуры видела в съезде прежде всего проявление единения интеллектуальной элиты советского общества и широких слоев населения, поддерживаемое государством. Отсутствие такого единства в западном обществе рассматривалось как основное препятствие культурного прогресса. В съезде видели отход от узкоклассового подхода к культурному строительству и поворот государства к поддержке всех деятелей культуры независимо от их идейных и художественных пристрастий. Наконец, его рассматривали как шаг в создании широкого антивоенного и антифашистского фронта интеллигенции, который вдохновляется «несокрушимым стремлением к миру СССР»²⁷.

Другая точка зрения была выражена американскими писателями левого течения Д. Дос-Пассом и Г. Истменом, французским — А. Жидом, которые, оценивая, вслед за Л. Д. Троцким, происходившие в СССР события как термидорианский переворот, считали Союз писателей бюрократической организацией, а его членов называли «художниками в мундирах»²⁸.

Таким образом, в центре внимания международного культурного обмена оказались основные проблемы экономического, социального и духовного развития общества, породившие революции и войны.

Изменяющаяся ситуация в Европе остро ставила вопрос о будущем не только революционного, но и демократического процесса в мире. Угроза войны в Европе после прихода нацистов к власти резко возросла. В 1935 г. VII конгресс Коминтерна принял решение о создании широкого антифашистского фронта²⁹. Еще в 1934 г. в рамках МОРП возникла дискуссия о необходимости объединения всех антифашистских сил, независимо от их политической направленности. Среди деятелей культуры росло сознание необходимости сплочения сил в борьбе против фашизма и угрозы новой мировой войны. Появились новые надежды на благоприятный исход этой борьбы, хотя далеко не все были с этим согласны в среде творческой интеллигенции, поэтому Коминтерн принял решение распустить революционные организации творческой интеллигенции.

В 1935 г. была образована Международная ассоциация писателей в защиту мира и культуры. С инициативой ее создания выступили А. Барбюс, Ж.-Р. Блок, М. Горький, Р. Роллан и А. Мальро. Идея была поддержана Г. Манном и Л. Фейхтвангером, О. Хаксли, К. Чапеком и др. Первый конгресс писателей в защиту культуры состоялся летом 1935 г. в Париже, где были представлены 38 стран мира.

За пять дней работы конгресса его участники обсудили широкий спектр вопросов: от проблем гуманизма и культурного наследия в творчестве писателей до вопросов о роли писателя в обществе и развитии национальных культур. В ходе дискуссии утверждалось, что современная западная цивилизация переживает глубокий кризис культуры, что неспособность западных демократий разрешить социальные конфликты и обеспечить культурное развитие основной массы населения чревато опасностью фашизма и войны. В этих условиях важным средством предотвращения грядущей катастрофы виделась активная общественная позиция творческой интеллигенции, ее борьба за социальный прогресс, за достоинство и свободу личности. Попытки некоторых ораторов убедить собравшихся в том, что писательская ассоциация должна носить не политический, а творческий характер, что творчество и политика несовместимы, были подвергнуты критике в речах датского писателя

М. Андерсен-Нексе и других известных деятелей культуры. В борьбе против фашизма и войны они видели свой гражданский долг.

В центре дискуссий на конгрессе оказалась проблема роли СССР в антивоенной борьбе. Среди выступивших не было ни одного, кто бы не коснулся этой темы. Ораторы высоко оценивали экономический и культурный прогресс в СССР. Высказывались и суждения о том, что сталинское руководство предало идеалы революции, что в условиях бюрократизации сформировался новый эксплуататорский слой государственных чиновников, в стране отсутствует свобода слова и творчества. Выступавшие задавались вопросом: смогут ли деятели культуры в своей борьбе против фашизма и войны опереться на растущую мощь СССР. Хотя в ходе обсуждения не удалось выработать единой точки зрения на характер советского общества, СССР был признан одной из ведущих сил антифашистской борьбы³⁰.

Конгресс принял решение об объединении писательских сил в борьбе против фашизма и угрозы войны в международную ассоциацию. В его резолюции указывалось: «Бюро ассоциации, составленное из писателей различных философских, литературных и политических направлений, будет всегда готово бороться в области культуры против войны и фашизма, против других опасностей, угрожающих цивилизации»³¹. Среди членов президиума ассоциации была С. Лагерлёф (Скандинавия). В состав бюро и секретариата ассоциации входил датский писатель М. Андерсен-Нексе и другие³².

Французская, немецкая и американская секции Международной ассоциации были в изучаемые годы наиболее влиятельными организациями среди антифашистски настроенных кругов. В странах Северной Европы секции Ассоциации не были созданы. Писатели этих стран вынуждены были в индивидуальном порядке искать сотрудничества с Международной ассоциацией.

Для реализации целей ассоциации важна была не только деятельность по мобилизации общественного мнения на борьбу против фашизма на национальном уровне, но и координация усилий в международном плане, поскольку опасность фашизма выражалась в военной угрозе, устранение которой без создания системы международной безопасности было невозможно.

В 1936 г. в Лондоне состоялся Пленум Международной ассоциации писателей в защиту культуры. Серьезное беспокойство его участников вызвало то, что в западных странах переводилась в основном литература реакционного милитаристского и профашистского содержания. В этих условиях перед ассоциацией встала задача расширить культурный обмен, который способствовал бы развитию интернациональной демокра-

тической культуры и дружбы между народами³³. С целью ознакомления международной писательской общественности с произведениями прогрессивной литературы Ассоциация издавала бюллетень, к созданию которого были привлечены писатели многих стран.

Во второй половине 1936 г. секретариатом Международной ассоциации писателей было принято решение о созыве в 1937 г. в Испании II Международного конгресса под лозунгом «Культура в опасности»³⁴. Проведение конгресса в Испании явилось актом солидарности прогрессивной писательской общественности с борьбой испанских республиканцев против мятежников Франко, поддерживаемых германскими и итальянскими фашистами. 4 июля 1937 г. Конгресс начал свою работу. Он проходил одновременно в Валенсии, Мадриде и Барселоне. Вблизи от ожесточенных сражений, в условиях бомбардировок фашистской авиацией собралось 60 делегатов ассоциации писателей многих стран. Среди них был М. Андерсен-Нексе и другие. Участники Конгресса посещали боевые позиции, выступали перед бойцами, крестьянами. Конгресс превратился в манифестацию солидарности с борьбой Испанской республики. По мнению участников Конгресса, в западных странах пресса замалчивала работу Конгресса, что по существу явилось причиной проведения заключительного заседания в Париже. Норвежский писатель и поэт Н. Григ в качестве военного корреспондента сообщал прессе о борьбе испанского народа против фашистов.

II Международный конгресс писателей в защиту культуры обратился с призывом к международной общественности, писателям и деятелям культуры, в котором объявил фашизм главным врагом культуры. Конгресс заявил о своей готовности «бороться всеми имеющимися средствами против фашизма», подчеркнув, что «в нынешней войне, ведущейся фашизмом против культуры, демократии, мира и вообще против счастья и благополучия человечества, немыслим и невозможен никакой нейтралитет». Участники конгресса призывали всех писателей «осознать свой исторический долг и объединиться с ними в борьбе за благо большинства человечества и за охрану человеческого наследия»³⁵. Тем самым Конгресс внес существенный вклад в консолидацию сил творческой интеллигенции на антифашистской основе.

После II Конгресса в июле 1938 г. состоялась чрезвычайная конференция Международной ассоциации писателей, которая приняла решение усилить роль международного культурного обмена в борьбе за укрепление связей между народами. Конференция призвала оказать поддержку народам Китая, Испании и Чехословакии, подвергшимся агрессии или ее угрозе. Была поставлена задача активно популяризировать национальную культуру стран-жертв агрессии и организовать материальную

помощь писателям, ученым, художникам и детям республиканской Испании и Китая. Делегаты конференции осудили политику фашизма, направленную на уничтожение культуры других народов, на подавление свободы творчества в собственной стране, решительно призвали к противодействию ей. Решения конференции предусматривали пропаганду великих культурных ценностей искусства, литературы и науки всех времен и народов, отвергаемых фашизмом. Конференция предложила членам ассоциации обеспечить прибежище писателям, ученым и художникам, которых фашизм и иностранная агрессия изгоняли с родины.

С мая 1938 г. секретариат Международной ассоциации начал издавать бюллетень в приложение к крупному журналу «Эроп», где печатались письма писателей 30 стран, в которых давался обзор культурной жизни у них на родине. Ассоциация рассматривала это как своеобразную форму культурного обмена. Секретариат рассылал бюллетени национальным секциям ассоциации для опубликования в журналах национальных писательских объединений. В журнале, издававшимся Н. Григом, использовались публикации бюллетеня. Благодаря этому достижения национальной культуры быстро попадали в поле зрения мировой общественности, приобретали авторитет, с которым нельзя было не считаться в демократических странах. Это имело особенно важное значение для формирования духа доверия между народами и организации моральной поддержки деятелей культуры, оказавшихся жертвами преследований фашистов, активизации действий общественных движений в пользу стран, подвергшихся агрессии.

Накалившаяся международная обстановка, явное приближение новой мировой войны осложняли развитие международных связей писателей. После Мюнхена широко стали распространяться пессимистические настроения среди демократической общественности. И в этих условиях международная общественность, интеллигенция вновь и вновь обращали свой взор к СССР, выступавшему тогда наиболее последовательным противником гитлеровской агрессии в Европе.

Демонстрацией солидарности с СССР стала проходившая 13–14 мая 1939 г. Международная конференция писателей в защиту культуры. На ней обсуждались не только проблемы профессионального характера, но и вопросы, волновавшие тогда все человечество. В ее резолюции указывалось на необходимость активной борьбы писателей против катившейся уже по Европе фашистской агрессии.

Большие надежды возлагались общественностью на трехсторонние переговоры в Москве в 1939 г., однако их провал вызвал глубокий кризис в Международной Ассоциации. На Западе неожиданно для себя поняли, что остались с Гитлером «один на один». Разразившаяся война привела

к прекращению деятельности этой международной организации, но многие ее члены продолжали свою благородную борьбу, став в дальнейшем активными членами Сопротивления.

Международная Ассоциация писателей объединила демократических и революционных писателей всех стран на платформе борьбы против фашизма и готовившейся им мировой войны. В рамках объединения выросли и окрепли международные связи писателей многих стран, была продемонстрирована воля к сотрудничеству на миролюбивой основе. Цели и задачи Международной Ассоциации позволили привлечь к активной общественной деятельности многих популярных литераторов, к мнению которых прислушивались широкие слои населения и политические деятели. Пользуясь большим авторитетом, члены Ассоциации многое сделали для консолидации антивоенных и антифашистских сил в своих странах. На международной арене писательская ассоциация стремилась найти политическую опору, созвучную своим целям, формируя общественное мнение, она влияла на политику государств с тем, чтобы они активнее боролись против фашистской агрессии, вырабатывая альтернативные фашизму решения острых социальных и национальных проблем. Ассоциация сыграла выдающуюся роль в формировании идеологии антифашизма, объединившую народы мира в антигитлеровскую коалицию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет. Художественная публицистика. М., 1983. С. 55; Франс А. Призыв к пролетариату. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., 1960. С. 753; Шоу Б. Диктатура пролетариата // Красная Новь. 1922. № 1. С. 133–145; Луначарский А. В. На Западе. М. — Л., 1927. С. 13.

² Dotmaget M. Histoire du Premier mai. Paris, 1953. P. 259.

³ Ланжевен Л. Французская интеллигенция и Октябрьская революция // Французский ежегодник. 1967. М., 1968. С. 19–30.

⁴ Андреев Л. Г. Сюрреализм. М., 1972. С. 60.

⁵ См. Луначарских А. В. На Западе. С. 16.

⁶ Протоколы конгрессов Коммунистического интернационала. II Конгресс Коминтерна. Июль-август 1920 г. М., 1934. С. 483.

⁷ Barghoorn F. C. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. New-York, 1960; Margulies Sylvia R. The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of foreignness 1924–1937. The University of Wisconsin Press. Madison, Milwaukee and London, 1968; Новые российские гуманитарные исследования. 2014 год. Том 9 // URL: <http://www.nrgumis.ru/articles>.

⁸ Пролетарская культура. 1920. № 17–18. С. 2

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ) Ф.17. Оп. 60. Д. 812. Л. 25.

¹⁰ Там же. Л. 36–43.

¹¹ *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1923.

¹² Например, датская поэтесса Мария Нильсен — один из организаторов датской Красной гвардии. Член Социал-демократической партии Дании, в марте 1918 г. приняла участие в создании Социалистической рабочей партии Дании, чтобы присоединиться к Коминтерну. В 1920 г. — в числе основоположников Коммунистической партии Дании. Участвовала во II конгрессе Коминтерна, представляла учителей-коммунистов. В 1928 г. исключена из партии за нежелание поддерживать кампанию против Троцкого, в 1936 г. протестовала против процессов над старыми большевиками в СССР. До своей смерти в 1951 г. поддерживала связь с небольшими датскими и норвежскими троцкистскими группами.

¹³ КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 153.

¹⁴ Литературное наследство. 1969. Т. 81. С. 15, 46.

¹⁵ Вестник иностранной литературы. 1928. № 1. С. 147.

¹⁶ Известия. 1927. 16 нояб.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 541. Оп. 1 Д. 7. Л. 225.

¹⁸ Литературное наследство. С. 17; Литературная газета. 1930. 20 нояб.

¹⁹ Произведения С. Унсет, получившие Нобелевскую премию: историческая трилогия «Кристин, дочь Лавранса», состоящая из трех романов «Венец» (1920), «Хозяйка» (1921) и «Крест» (1922). К этой трилогии и хронологически, и тематически примыкает дилогия «Улав, сын Аудуна из Хествикена» (1925) и «Улав, сын Аудуна, и его дети» (1927) // Нобелевские премии по литературе // URL: www.nobtlprize.org

²⁰ Шведская писательница, первая женщина, получившая Нобелевскую премию по литературе (1909) Последнее крупное произведение Лагерлёф — трилогия о Лёвеншёльдах: «Перстень Лёвеншёльдов» (1925), «Шарлотта Лёвеншёльд» (1925) и «Анна Сверд» (1928). Это роман, посвящённый истории одной семьи на протяжении пяти поколений.

²¹ *Цвейг С.* Триумф и трагедия Эразма Роттердамского и «Магеллан». Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 7.

²² РГАСПИ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об.

²³ Там же. Д. 18. Л. 1–14

²⁴ Литературная газета. 1931. 19 апр.; Известия. 1933. 2, 17, 23 апр.

²⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 5. Д. 547. Л. 137.

²⁶ См.: приветствия съезда Р. Роллану, А. Барбюсу, Т. Драйзеру, Э. Синклеру, Г. Манну, Лу Синю // Известия. 1934. 26, 28 авг.

²⁷ Отклики на I Съезд советских писателей за рубежом см.: Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 613. Оп. 1. Д. 446. Л. 114, 124, 135; Ф. 631, Оп. 11. Д. 308. Л. 88; ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 547. Л. 137

²⁸ Известия. 1934. 12 авг.

²⁹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (сборник документов), — М., 1975. С. 360–363.

³⁰ Международный конгресс писателей в защиту культуры. Доклады и выступления. Париж, июнь 1935 г. М., 1936. С. 3–490.

³¹ Там же. С. 487.

³² Там же. С. 485–486.

³³ РГАЛИ. Ф.631. Оп. 11. Д. 198. Л. 2; Д. 308. Л. 68, 70.

³⁴ Там же. Д. 308. Л. 60.

³⁵ Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом против развязывания Второй мировой войны (1933–1937 гг.). М., 1961. С. 505.

ЛИТЕРАТУРА

VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (сборник документов), — М.: Издательство политической литературы, 1975. 527 с.

Андреев Л. Г. Сюрреализм. М.: Высшая школа. 1972. 232 с.

Вестник иностранной литературы. 1928. № 1 // Луначарский А. В. Собрание сочинений в восьми томах. Том 5. М.: Художественная литература. 1965. 544 с.

КПСС о культуре, просвещении и науке. М.: Политиздат. 1963. 627 с.

Ланжевен Л. Французская интеллигенция и Октябрьская революция // Французский ежегодник. 1967. М.: Наука. 1968. С. 19–30.

Литературное наследство. М.: Наука. 1969. Т. 81. 680 с.

Луначарский А. В. Собрание сочинений в восьми томах. Том 4. М.: Художественная литература. 1965. 523 с.

Международный конгресс писателей в защиту культуры. Доклады и выступления. Париж, июнь 1935 г. М.: Государственное литературное издательство. 1936. 490 с.

Протоколы конгрессов Коммунистического интернационала. II Конгресс Коминтерна. Июль-август 1920 г. М.: Институт Маркса, Энгельса, Ленина. 1934. 785 с.

Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Красная новь. 1923. 392 с.

Франс А. Призыв к пролетариату. Собрание сочинений в 8 т. Т. 8. М.: Гослитиздат. 1960. 753 с.

Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет. Художественная публицистика. М.: Прогресс. 1983. 344 с.

Цвейг С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского и «Магеллан». Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература. 1984. 447 с.

Шоу Б. Диктатура пролетариата // Красная Новь. 1922. № 1. С. 133–145.

Barghoorn F. C. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. New-York, 1960. 353 p.

Dommaget M. Histoire du Premier mai. Paris, 1953. 259 p.

Margulies S. R. The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of foreignness 1924–1937. The University of Wisconsin Press. Madison, Milwaukee and London, 1968 290 p.